

СТАТЬИ

З. К. ЯНЕЛЬ

ФЕНОМЕН СТИХИЙНОСТИ И ПОВСТАНЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ МАССОВЫХ ДВИЖЕНИЙ ФЕОДАЛЬНОГО КРЕСТЬЯНСТВА РОССИИ

Вопрос о том, свойственна ли крестьянским движениям стихийность, не относится к числу спорных. Едва ли дискуссионно также и то, что стихийность не является спецификой именно крестьянских движений, признаком, отличающим их от массовых движений других классов и слоев общества. Стихийность свойственна и бюргерским восстаниям, и религиозным войнам, и национальным движениям, и рабочим движениям, даже на самых зрелых и организованных стадиях. Наконец, человечество не знает нестихийных социальных революций.

Несколько иначе обстоит дело с вопросом о качестве стихии крестьянских движений. В нашей исторической литературе представление о стихийности крестьянских движений сложилось, как мне кажется, в отрыве от категории «стихийность», путем суммирования отдельных, наиболее ярких конкретных проявлений стихийности. Нередко стихийность ассоциируется и даже отождествляется лишь с необузданностью страстей, с анархией, с «разбойничеством» восстания. Стихийность фиксируется в одном ряду с негативными силами, разрушающими движение изнутри. «Стихийность и неорганизованность», «стихийность, локальность, разрозненность» — обычные словосочетания. Даже тогда, когда стихия выступает как сила движения, она зачастую оценивается лишь как мощь массовости и накал ненависти к «утеснителям народа» — «грозный вал» восстания. Едва ли нужны примеры.

Такая точка зрения стала традиционной в историографии, а потому — чисто психологически — самоочевидной. Но в этом — ловушка, поскольку исследователь оказывается во власти иллюзии, полагая, что оперирует чем-то уже доказанным, упуская из виду, что вопрос о природе стихийности крестьянских движений, о ее качественной характеристике еще не ставился историографией. В результате возник своего рода парадокс «отрицательной стихийности крестьянского движения», поскольку как бы подразумевается, что в *массовом стихийном по своему существу* движении *стихийность* несет в себе исключительно, или почти исключительно, *отрицательный для него самого* заряд, ослабляя движение в любом своем проявлении. Стихийность движения выступает антитезой стихийного движения, а не его конститутивным фактором. Справедлив ли этот парадокс?

Взгляд на крестьянское движение как на стихийное, а на саму стихийность как на отрицательный его фактор утверждает нестихийную природу всех позитивных сил, реализующих движение. Рассуждения по формуле: «крестьянское движение, *несмотря* на его размах и массовость, вылилось в стихийные и разрозненные бунты» или, в обратном порядке: «Крестьянская война 1773—1775 гг., *несмотря* на присущую ей стихийность, была более организованной, чем предыдущие крестьянские восстания», — настолько примелькались, что их содержание не отпечатывается в сознании. Но именно в подобных умозаключениях позитивные факторы движения вынесены за рамки стихийности и решительно ей противопоставлены. Мысль, что все позитивное в движении по своей природе и по функциям представляет антипод стихийности, чрезвычайно популярна.

Стихийность, понятая как негативный фактор движения, уже естественным образом становится сферой приложения сил, стремящихся ее преодолеть. Задача вождей крестьянских движений действительно была в преодолении стихии неорганизованности. Однако может ли задача исследователя свестись к констатации и описанию этого факта? Вероятно, она должна включать также изучение генезиса и природы той организованности, которую вожди противопоставляли стихии разбойничества, разгула, разнонаправленности интересов, личных воль, решений.

Поскольку успехи движения объясняются организованностью, исследовательский интерес к установлению роли стихийности, не ассоциирующейся с организованностью на восходящих витках борьбы, крайне редок. Стихийность попадает в поле зрения преимущественно тогда, когда требуется найти причину неудачи или поражения движения. Тут на первое место в объяснении наряду с вполне конкретными причинами выступает идея разрушительной энергии стихии, фатально ведущей к поражению.

Обращение к истории зарождения, нарастания мощи и накала любого крестьянского движения заставляет усомниться прежде всего в том, что стихийность всегда негативна.

Стихийность имманентна крестьянским движениям от начала и до конца. Хотя причины для взрыва никогда не исчезали из жизни народа, непредсказуемо, когда и какая из них окажется толчком, запускающим в ход механизм действия. Сами будущие мятежники не ведают, когда им надоест терпеть «великия обиды и разорения», в кого поверят, за кем пойдут. Стихиен не только механизм перерождения социального недовольства в социальное действие. Восстание нарастает до тех пор, пока стихия не исчерпает свои положительные ресурсы, пока она выступает преимущественно как фактор *консолидации*. На этом этапе энергия стихии такова, что никакие раны для движения не губительны. Даже после тяжелых военных поражений стихия движения способна не только восстановить прежний «количественный потенциал», но превзойти его, толкая восстание вперед. Что касается распада движения, то тут обычно подчеркивается важная роль стихийности, точнее, таких ее качеств, как неорганизованность и децентрализация. Замечу все же, что действие стихии в период, когда движение прошло через апогей, как и на предыдущих стадиях, не однозначно, не однонаправленно. Центростремительные тенденции стихии могут перекрывать цетробежные и тогда, когда движение клонится к упадку, потому что распад движения в плане внутренних процессов это не что иное, как возобладание неорганизованности над организованностью, что возможно и в обстановке не исчерпавшего себя стихийного роста массовости[1].

[1] Отвлекаясь пока от вопроса о природе организованности, приведу характеристику внутренних причин поражения армии Пугачева, данную В. И. Бугановым, и «схему» центростремительных тенденций стихии на разных этапах Крестьянской войны 1773—1775 гг.: «Все эти элементы организованности, также присущие повстанцам прежде всего

Я ограничилась пока констатацией самоочевидных явлений стихийности, но и их достаточно, чтобы утверждать, что сколько бы действительных минусов стихийность в себя ни вбирала, без нее нет движения вообще, и это тот главный плюс, который следует иметь в виду.

Стихийность сохранила значение показателя органичности данного движения и при капитализме, когда в общую структуру социального протеста вошли и нестихийные типы движений. По признаку стихийности В. И. Ленин сравнивал степень «почвенности» сил революции и контрреволюции в сентябре 1917 г. Напомню одно часто цитируемое место из его статьи «Русская революция и гражданская война»: «Итак, стихийность движения, подходившего к началу пролетариатом гражданской войны, несомненна. Ничего даже приблизительно похожего на стихийность нет в корниловщине: там только заговор генералов, которые рассчитывали увлечь часть войск обманом и силой приказания.

Что стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустранимости, это несомненно. Почвенность пролетарской революции, беспочвенность буржуазной контрреволюции, вот что с точки зрения стихийности движения показывают факты» [2].

Если не останавливаться на внешнем и не расценивать стихийность, в том числе ее негативный аспект, только как некий социальный хаос, тогда стихийность крестьянского движения предстанет в качестве понятия исторической науки. Стихийность — предмет исторического анализа,— естественно, не может быть эквивалентна стихийности—категории общей диалектики. Она обладает конкретно-исторической определенностью и соответствующим ей более низким уровнем абстракции; поэтому проблемная ситуация для историка, исследующего стихийность, складывается иначе, чем для философа, равно как иначе дается дефиниция стихийности, требуя специфически исторической разработки.

В статье не стоит задача методологического обоснования и разработки понятия стихийности в исторической науке. Уровень описания и уровень анализа гораздо более конкретны — массовое движение феодального крестьянства. Однако стихийность как общефилософская категория и результаты исследований в области социологии организаций, оставаясь «за кадром», постоянно имеются в виду. В первую очередь — такое качество стихийности, как способность к структурообразованию, известное не только по природным, но и по социально-экономическим процессам.

Эмоциональность настолько неотделима от стихийности, что даже представляется наиболее типическим ее признаком. Атмосфера повышенной против обычной социальной возбудимости и возбужденности стимулирует всякое массовое движение. Толпа в состоянии массового психоза зримо демонстрирует низшие формы социальной стихийности

на первом этапе Крестьянской войны, на втором и особенно на третьем этапах не получают дальнейшего развития. Наоборот, все большие размеры получают неорганизованность и стихийность движения, присущие ему в неменьшей степени и в самом начале. В обстановке безостановочного и стремительного продвижения войск Пугачева на юг летом 1774 г., преследования его войсками карателей явления стихийности и неорганизованности быстро возрастали и привели в конечном счете к поражению» (Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М., 1976, с. 215).

Весной 1774 г. повстанцы терпят жесточайшее поражение. Главная армия Пугачева, армия Зарубина-Чики перестали существовать, и Екатерина II объявляет о подавлении мятежа. У Пугачева осталось не более 400 человек, но 11 июля Пугачев подходит к Казани, имея уже более чем 20-тысячную армию, сформированную из повстанцев Башкирии, Южного Урала. После поражения под Казанью от новой армии Пугачева остается около 2 тыс. человек, с которыми он переправляется через Волгу. На Правобережье Главное войско быстро восстанавливает численность за счет притока новых повстанцев. Этот заключительный этап был «самый выдающийся по размаху борьбы и самый трагический в ее конце» (там же, с. 202—207).

[2] Ленин В. И. ПСС, т. 34, с. 216—217.

целиком из сферы чувств, инстинктов, подсознательного. Крестьянское движение это тоже эмоциональный акт. Эмоции вплетены в социальное поведение повстанцев: каждая фаза движения имеет свой эмоциональный настрой и потенциал. Может быть, ими даже задается тон при формировании той или иной фазы. Ведь известно, что эмоциональная энергия не стабильна, что она подвержена значительным колебаниям, приливам, отливам, угасанию, что эти колебания соотносятся с колебаниями успехов и неудач движения. В процессе борьбы как бы расходуется первоначальный запас энтузиазма.

При всем при том мы бы сильно примитивизировали понятие социальной стихийности вообще и стихийности крестьянского движения в частности, если бы постулировали наличие в нем лишь аффективных элементов. Хотя без них стихия рискует быть неузнанной, все же не они служат критерием стихийности. Все типы, виды, формы стихийного объединены спонтанностью. От того, в какой среде разыгрывается стихия, зависит ее содержание и структура. Мир людей, в отличие от мира природы, наделен социальным сознанием, потому в нем самопроизвольно возникает не только иррациональное, но и рациональное. Из того, что люди, действуя, думают, ставят перед собой определенные цели, вовсе не следует, что эти действия всегда должно квалифицировать как нестихийные. Рациональным процессам стихийность свойственна так же, как иррациональным.

При всем значении эмоций сколько-нибудь длительное и развернутое, а тем более успешное движение не может быть исключительно бессознательно импульсивным в своих действиях. Оно неизбежно обнажает то, возможность чего в нем содержится заранее: способность к самоорганизации и к выработке собственных форм сознания.

Создание органов «руководства» восстанием, деятельность по расширению района протеста не только через объединение с уже бунтующими селами, деревнями, мызами, но посылка к соседям «подстрекателей», агитаторов многократно описаны историками. Однако часто подмечаемые эти факты редко рассматриватся как свидетельства стихийной организованности и сознательности крестьянства, как свидетельства центростремительных тенденций стихии. Они противопоставляются ей как факты, так сказать, антистихийной сознательности, либо без комментариев берутся на заметку, либо, наконец, их значение признается маловажным при помощи упоминавшейся формулы «несмотря на...» Т. е. возможность стихийной природы организованности и сознательности не предполагается, значит, не обсуждается. Поэтому атипичный анализ Ю. Ю. Кахком факторов, влиявших на географию крестьянских волнений в Эстонии, представляет для нас несомненный интерес. Ю. Ю. Кахк расценивает стремление крестьян к объединению усилий и его реализацию как стихийные, не противопоставляя организованность стихийности, а трактуя ее как проявление стихийности [3].

Посылка «подговорщиков» и «разгласителей» — инициатива, продиктованная житейским опытом. Масштабные движения типа крестьянских войн вообще немыслимы без этого способа установления контактов между очагами восстаний, без этого способа расширения зоны

[3] Привожу конечный, абстрагированный от местной конкретики вывод автора: «Распространение крестьянских волнений определялось факторами двух категорий: во-первых (прежде всего на начальных этапах волнений), факторами, связанными с материальным положением крестьян, и, во-вторых, проявлявшимися в ходе событий факторами, вытекавшими из самого крестьянского движения. Эти два стихийно действовавших фактора и обусловливали в основном концентрацию и распространение крестьянских волнений». (Кахк Ю. Ю. О территориальной распространенности крестьянских волнений в Эстонии в XVIII и первой половине XIX в.— Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. Рига, 1963, с. 319—320. Разрядка моя.— *З. Я.*).

борьбы. Тем не менее в посылке агитаторов больше общечеловеческого здравомыслия, интуитивного выражения разумности, чем классового или сословного организационного опыта.

Об организации как о внутреннем качестве движения мы судим прежде всего по структуре повстанческих отрядов или войск и по структуре народной власти на территориях, контролируемых восставшими. Известно, что самоорганизация повстанцев тяготеет к традиционным для них формам. Она как бы запрограммирована в доповстанческом самоуправлении. Восставшее крестьянство стремится организоваться по принципам своего «мира», казачество держится за казацкий круг, посадские люди — за вече, за земскую избу и т. д. Прототипами повстанческих органов власти становились также присутственные места, вотчинный административный аппарат[4]. Первоначальный демократизм народных учреждений, уже вытравленный или вытравливаемый (как у казаков по мере введения «регулярства»), всегда восстанавливался выборностью «по мирскому общему согласию»[5]. По-видимому, это была самопроизвольная реакция традиционных организаций на вспышку социального конфликта[6].

А. И. Андрущенко считает, что Государственная военная коллегия была взята пугачевцами за пример для повстанческой Военной коллегии «потому, что казаки, находясь в ее ведении, были знакомы именно с этим органом власти», и добавляет, что, «кроме того, царистская форма восстания, по-видимому, также понуждала Пугачева и его со-

---

[4] Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773—1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969, с. 128; Голикова Н. Б. Астраханское восстание 1705—1706 гг. М., 1975, гл.: Организация управления и деятельность восставших в августе — декабре 1705 г., с. 134—170; Горская Н. А. Тенденция классовой борьбы крестьян в конце XVII в.— «Вопросы истории», 1981, № 9, с. 28—44; Кондрашенков А. А. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII веке. Курган, 1962, с. 100—101; Назаров В. Д. О некоторых особенностях Крестьянской войны начала XVII в. в России.— Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 120; Орлов А. С. Волнения на Урале в середине XVIII века. М., 1979, с. 64, 68, 129.

[5] А. Я. Михелькис, «анализируя сущность и систему местных органов народной власти», пишет об ошибочности «точки зрения ряда исследователей Крестьянской войны 1773—1775 г., согласно которой восставшие имели намерение создать государство по типу и подобию казацкого государства. В действительности,— продолжает он,— формирующаяся государственность восставших крестьян была более демократична, нежели казацкое самоуправление» (Михелькис А. Я. Органы народной власти в восстании, руководимом Емельяном Пугачевым в 1773—1775 годах. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Одесса, 1975, с. 9). Дело в том, что ни один из прототипов органов восстания не мог служить ему в прежнем, примененном к государственным нуждам, включенном в государственную систему виде, что демократизация детерминирована потребностями борьбы. Поэтому «формирующаяся государственность восставших крестьян была более демократична», нежели община, «изба», казацкое самоуправление. Казацкий круг в этом смысле не был исключением. Демократизированный казацкий круг и есть подобие казацкого круга, его демократический вариант.

«Но при всем разнообразии форм, присущих органам власти восставших, сущность их была одна — это были органы революционно-демократической диктатуры восставшего крестьянства»,— читаем несколькими строками дальше (с. 10). Против такой модернизации сущности органов власти восстания возражали и, полагаю, будут возражать многие исследователи.

[6] Естественность, спонтанность такого рода трансформаций крестьянских общин Урала и Западной Сибири фиксирует А. А. Преображенский в монографии «Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в.» (М., 1972). «Можно заметить, что повседневное функционирование крестьянских „миров" часто подменялось деятельностью узкого круга лиц вроде старосты, сотских и прочих выборных. „Во всех крестьян место" составляли и подписывали челобитные „мирские" власти, не всегда бескорыстно, что выражалось в конфликтах с односельчанами. Но если создавалась чрезвычайная ситуация, крестьянская община вдруг оживала, и это находило след в делопроизводстве. Под челобитными во время острых социальных конфликтов наряду с подписями должностных лиц самоуправления появляются рукоприкладства рядовых крестьян. Община обретает силу своеобразного коллективного органа сопротивления. При спадении накала борьбы понижается эта роль „мира", и он постепенно вновь становится по преимуществу исполнителем фискальных обязанностей крестьян перед государством. Такие импульсы были присущи едва ли не всем крестьянским „мирам" изучаемого региона» (с. 360).

ратников обзаводиться подобающими органами»[7]. Это наблюдение — не единичное в историографии — свидетельствует о том, что в основе создания повстанческих органов власти лежал процесс адаптации традиционных институтов широкого диапазона к потребностям движения. И в этом смысле механизм воспроизведения в крестьянском движении монархических организационных начал имеет принципиальную аналогию с механизмом воспроизведения народных организационных начал. Однако разница в том, что монархические институты, являясь государственными формами организации, не всегда обладали для масс осязаемостью, непосредственной данностью; поэтому они приобретали утилитарную ценность прежде всего в глазах лидеров движения, имевших более разнообразный личный социальный опыт, чем коллективный социальный опыт того слоя, к которому они принадлежали по рождению.

В современной историографии нет разногласий насчет того, что в миропонимании самых различных слоев народа царская власть была единственно возможным воплощением законности, которая представлялась гарантом незыблемости и устойчивости. Имитируя царизм, в том числе организационно, повстанцы как бы ставили себя на его место, обретая тем самым как законное право на борьбу, так и легализуя цели движения. Иллюзия «хорошего царя», типичная для эмпирической мысли не только XVII—XVIII вв. и не только для России, в самой России была преодолена несколько позже теоретическим мышлением, благодаря которому нам теперь так очевидны монархические заблуждения крестьянства, являвшиеся в сущности мировоззренческой нормой времени, а не признаком незрелости социальной мысли одного лишь крестьянства, как это иногда утверждается. Пока же монархическая иллюзия господствовала над умами масс, именно она давала «царистские рекомендации» народному протесту.

Самозванчество было классической для России материализацией идеи «справедливого царя», руководившего борьбой против притеснителей и притеснений «черного народа». В начале 70-х годов XVIII в. самозванчество, имевшее к этому времени 200-летнюю традицию, стало локализироваться в казачьих областях[8]. Монархический реализм тех казаков, от которых Пугачев «настоящего своего имени не таил» и которые «вздумали» назвать его «покойным государем Петром Федоровичем», заключался в использовании уже известного и распространенного приема самозванчества для повышения социального статуса своего предводителя. Социальный престиж вождя-самозванца аккумулировал нормы и традиции государственной власти, причем не только право принуждения и санкций, но также психологию преданности царю, тогда как престиж «просто» вождя определялся зоной действия его личного авторитета. Пугачеву, чтобы стать Пугачевым, надо было стать Петром III. Разин, чтобы стать Разиным, «назначил» во главе войска царевича Алексея Алексеевича.

Самозванчество было исходным пунктом генезиса «организационного монархизма» в Крестьянской войне 1773—1775 гг. Логика царистской формы, на которую обратил внимание А. И. Андрущенко, объясняет спонтанную последовательность копирования, так сказать, очередность заимствования повстанцами организационных форм царизма (от самозванного Петра III к самозванной Военной коллегии, а от нее — к самозванным графам и полковникам на местах). Надо полагать, что

---

[7] Андрущенко А. И. Указ. соч., с. 59.

[8] Сивков К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII в.— Исторические записки. М., 1950, т. 31, с. 88—135; Алефиренко П. К. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России в 30—50-х годах XVIII века. М., 1958, с. 325—326; Андрущенко А. И. О самозванстве Е. И. Пугачева и его отношениях с яицкими казаками.— Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России., М., 1961, с. 146—150; Троицкий С. М. Самозванцы в России в XVII—XVIII вв.— «Вопросы истории», 1969, № 3, с. 134—146 и др.

использование повстанцами монархических форм, будучи актом социального подражания, связано прежде всего с поиском способов регулирования движения, принявшего крупные масштабы и, таким образом, переросшего организационные возможности локальных, преимущественно народных форм организации. Вероятно, изначальный принцип эгалитарности этих форм, мнившийся идеалом, не был в состоянии обеспечить крупное движение, которое именно по своему размаху требовало иерархичности, ранговости организационной структуры. Уже сложившейся ранговой структурой обладала только монархия, поскольку она не имела в России государственной альтернативы, и потому ее учреждения, ритуалы, символика были единственными образцами ранговости. Кстати сказать, яицкие казаки имели представление об этой системе не только по Государственной военной коллегии, но и по собственному «войсковому самоуправлению», которое к 60-м годам XVIII в. «приобрело довольно отчетливые бюрократические черты, характерные для абсолютистского государственного аппарата того времени»[9].

«Противоположный» пример связи характера организации движения с его масштабом дают мелкие вооруженные группы крестьян, которые ввиду малочисленности (30—100 человек) не нуждались даже в мирских органах управления. Во главе их стояли выборные атаманы, есаулы, старосты[10].

Способы использования монархических канонов и сочетания их с народными формами самоорганизации при стихийности их заимствования находились в довольно строгой зависимости от специфики традиций не только отдельных сословий, участвовавших в движении, но и от общенародных стереотипов коллективного поведения и мышления[11]. Трудно назвать крестьянское движение, в котором конкретные варианты, «проигрывавшиеся» вождями, не были бы заранее определены социокультурными традициями страны.

При «генетической» связанности повстанческих форм самоорганизации с доповстанческими большое значение для успешного начала и продолжения борьбы приобретает участие в движении тех слоев народа, самоорганизация которых имела военный образец, была наиболее приспособлена к условиям вооруженной борьбы. Наличие войсковой организации и связанных с ней военных навыков само по себе сближает военные структуры войск повстанцев и правительства — по многим параметрам они становятся соизмеримыми. Организационные преимущества «казацкой обыклости» (или стрелецкой, или служилой) иллюстрируются всем опытом массовых движений XVII—XVIII вв. и сравнением его с опытом чисто крестьянских движений XIX в. с их гражданской самоорганизацией.

В историографии принято считать, что во всех крестьянских движениях, даже в крестьянских войнах, организованность не поднималась выше «элементов организованности» (распространенное определение), как бы ее зачатков. Для скепсиса есть резоны.

---

[9] Рознер И. Г. Яик перед бурей. М., 1966, с. 40.

[10] Алефиренко П. К. Указ. соч., раздел: Борьба крестьян мелкими вооруженными группами, с. 127.

[11] Классический для России вариант самозванчества не был универсальным и обязательным для других стран. Так, монархической традиции Китая он не свойствен. В Китае вожди крестьянских войск короновались, совершая обряд установления новой династии, даже тогда, когда императорский трон не был «вакантен». Воссоздавалась не только «персона» императора, но и вся структура государственного аппарата, с большей или меньшей последовательностью, полнотой, глубиной репродуцируя бюрократические органы монархии, старую иерархическую лестницу чинов и рангов, придворные церемониалы, всяческие табу (Симоновская Л. В. Антифеодальная борьба китайских крестьян в XVII веке. М., 1966; Илюшечкин В. П. Крестьянская война тайпинов. М., 1967).

Любопытно, что низкая итоговая «отметка» за организацию обеспечена даже пугачевцам, организационные достижения которых конкретно описываются и «конкретно признаются» исследователями. Надо полагать, что такая оценка вытекает из магии стихийности, воспринятой исключительно как неорганизованность, и автоматической ссылки на бо́льшую организованность рабочего движения. «Когда речь идет о неорганизованности и стихийности крестьянского движения, — пишет В. В. Мавродин, — имеется в виду та организованность и сознательность, которые присущи рабочему, пролетарскому революционному движению и которые, естественно, отсутствуют в крестьянских войнах» [12].

Нельзя не согласиться, что крестьянское движение не обладало организованностью и сознательностью рабочего, а тем более пролетарского революционного движения. Это действительно естественно, хотя бы потому, что оно было крестьянским, а не рабочим, т. е. просто другим. Но так же ли естественно согласиться с тем, что отсутствие в крестьянском движении организованности и сознательности рабочего склада служит основанием для вывода о его неорганизованности или малой организованности, что крестьянское движение признается стихийным в противоположность рабочему движению, которое тем самым считается нестихийным?

В. В. Мавродин, неоднократно и почти дословно воспроизводя эту фразу в других трудах, всегда опускает ход своих рассуждений, возможно, полагая, что вывод аксиоматичен. Однако это не так, и, чтобы принять его или отвергнуть, мы должны представить себе процедуру сравнения, поскольку познавательная ориентация и эффективность научного сравнения зависят от того, как формулируются его условия и задачи.

На мой взгляд, без предварительного выяснения того, какой исторический тип организации свойствен крестьянскому и рабочему, пролетарскому революционному движениям, исследователь не обладает исходной позицией для исторического сравнения, так как неизвестно, анализируются однотипные или разнотипные организации, т. е. организации с одинаковыми или разными закономерностями функционирования и показателями зрелости. В типологии не нуждается обиходная аналогия, но она, увы, не способна дать историческое знание.

Представление об относительном уровне организованности какого-то определенного крестьянского движения, о связи между укрупнением движения и усовершенствованием его организации достигается посредством сравнительного изучения крестьянских движений. Этот прием количественного сравнения не имеет противопоказаний в плане методики, пока применяется к организационным формам, вызванным одной и той же социальной средой, слоем. Сравнивая массовые движения разных классов, сословий, мы пересекаем типологическую границу, потому что организация каждого класса есть саморазвитие социальных качеств, традиций, индивидуальности данной социальной общности. Если «переход границы» при этом оказался незамеченным, т. е. не принятым в расчет, то организованность рабочего движения периода капитализма легко начинает играть роль шкалы, по которой ведется отсчет уровня организованности движения феодального крестьянства; или движение работных людей, еще не приобретшее свойств рабочего движения, тем не менее мнится носителем большей, чем синхронное ему крестьянское движение, организованности [13].

---

[12] См.: Смирнов И. И., Маньков А. Г., Подъяпольская Е. П., Мавродин В. В. Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв. М.— Л., 1966, с. 320; Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева. Т. II. Л., 1966, с. 16.

[13] «Кто же был носителем тех элементов организованности, которые присущи Крестьянской войне 1773—1775 гг.? Мы знаем,— пишет В. В. Мавродин,— что даже некоторые крестьянские восстания кануна грозной крестьянской войны отличались продолжительностью, упорством, стойкостью, сплоченностью восставших, известными элементами

Поспешные количественные параллели, не лимитированные качественными показателями, создают также опасность использования критериев нестихийных движений при анализе стихийных. Даже зрелые формы организаций стихийного типа, если их начать мерить меркой нестихийных организаций, исходя из требований, предъявляемых к организации политической партии, будут восприняты как нечто зачаточное, малоразвитое. Чем масштабнее движение, тем зримее обособленность сознательности и организованности от бессознательности, тем больше соблазн противопоставления их друг другу как элементов нестихийного в стихийном. Именно в работах о крестьянских войнах чаще встречается этот не выводимый из собственно авторских текстов вывод — дань популярному предубеждению [14].

В движениях феодальных масс организованность была продуктом исключительно стихийного творчества их участников. Это творчество низов, в сущности, и есть реализация способности стихии к «самообучению», к «самосовершенствованию», которое заключается в спонтанном преодолении «бунта бессмысленного и беспощадного», в выходе за пределы непосредственно эмоциональных поступков, к организованным совместным действиям.

Конкретные формы организации движения в значительной степени определялись социальным составом повстанцев, теми организационными образцами и нормами, которые вносились участием в нем той или иной социальной общности. Казаки, крестьяне, работные люди являлись передатчиками организационных навыков своего общественного слоя движению в целом [15].

организованности, возникновением определенных форм народной власти, большой ролью зарождающейся крестьянской интеллигенции. То же самое, если не в большей мере, характеризует некоторые выступления работных людей и приписных крестьян. Работные люди вносят в классовую борьбу крестьянства, частью которого они оставались, некоторые новые качества, придающие их восстаниям характер большей сплоченности, стойкости, организованности, обусловленные спецификой их труда на крупных предприятиях, вырабатывающей «чувство локтя», взаимной поддержки, солидарности». (Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. II, с. 17).

[14] Однако не всегда. В трактовке А. Н. Сахарова, чуждого этому алогизму, организованность движения не является альтернативой стихийности — она сама стихийна. «... Старый казацкий круг становился основой новой народной мятежной власти, старый испытанный способ раздела «зипунов»—дуван стал основой экспроприации господствующей верхушки и, что особенно важно, раздела помещичьего имущества. Все то, что ранее, даже с точки зрения московских властей, считалось обычной нормой казацкой жизни, наполнилось вдруг мятежным антикрепостническим содержанием. И величие С. Разина как предводителя крестьянской войны вовсе не в том, что он нашел, как это иногда пытаются доказать, какие-то новые способы переустройства общества, а в том, что и с п о л ь з о в а л к а з а ц к у ю о б щ е с т в е н н у ю с т р у к т у р у в борьбе с феодально-крепостнической Россией... Поэтому, на наш взгляд, совершенно неоправданно отделять форму движения от его содержания, абстрагироваться от казацких военно-демократических традиций, а самого С. Разина отрывать от казацкой среды, которая его вырастила, д а л а ему военную о р г а н и з а ц и ю». А несколькими страницами дальше: «Величие С. Разина и здесь было не столько в тех действиях, которые мы обычно отмечаем, говоря о прозорливости вождя, а в том, что, четко отражая в своих действиях с т и х и й н ы й, импульсивный характер крестьянской войны, он пытался в э т и х р а м к а х добиться максимального эффекта и действительно добился поразительных военных результатов». (См.: Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения. М., 1974, с. 158—159, 164. Разрядка моя.— *З. Я.*).

[15] На эту организационную закономерность «многослойных» массовых движений обратил внимание В. А. Александров, исследуя восстания в Восточной Сибири. «Объединение служилых людей и примыкавших к ним гулящих людей Восточной Сибири с крестьянами и посадскими особенно ярко проявилось в формах организаций восстаний, в сочетании форм казачьего самоуправления (круги под знаменем, „советы") и мирских сходов, характерных для земского управления. Круги и „советы" играли большую роль в начале движений 1690-х годов, и в них концентрировались наиболее радикальные, плебейские элементы; наоборот, служилая и посадская верхушка стремилась захватить руководство в приказных избах и в ходе движения противодействовать плебейским элементам.

В зависимости от того, кто удерживал руководство восстанием — верхушка или голытьба, соответственно превалировали формы самоуправления — приказные избы или

Познание социальной действительности не только массами повстанцев, но и их вождями происходило эмпирическим способом, поэтому все вожди народных движений были «инициаторами», «руководителями-практиками», но не выступали ни мыслителями-теоретиками движений, ни «политическими лидерами» [16]. Несистематизированный характер эмпирического знания и мышления в целом (не говоря о других условиях создания теории, которые не относятся к нашему сюжету) даже при относительной широте и нестабильности социального опыта вождей исключал любой прорыв в теорию.

В последующем, когда в социальный протест наряду с массовыми стихийными движениями вплетутся нестихийные движения, а вместе с ними нестихийные типы организаций, факт появления нестихийных движений объективно создаст проблему взаимодействий двух типов социальных движений и двух соответствующих им типов сознательности и организованности, которая будет иметь несколько решений (декабристское, народническое, социал-демократическое и др.). Практический вывод русских социал-демократов состоял в необходимости внесения революционными организациями сознательности в стихийное движение народных низов. Он в значительной степени основывался на теоретическом представлении о том, что стихийный тип организации движения не является зародышем нестихийного, что его перерождение в нестихийные типы протеста исключается и реально, и логически. Это имеет прямое отношение не только к организации крестьянского, но и рабочего движения. Напомним общеизвестное: невозможность для рабочего движения своими собственными силами выбраться из тред-юнионизма, т. е. организационной и политической стихийности, была одним из «общих» обстоятельств, побудивших В. И. Ленина в работе «Что делать?» объясниться с экономистами «по основному вопросу о роли социал-демократии по отношению к стихийному массовому движению» [17]. Таким образом, внесение сознательности и организованности было важнейшим способом координации стихийных и нестихийных сил для победы революции.

Внесение сознательности извне, в отличие от стихийного процесса «самообучения» на опыте собственной борьбы, есть нестихийный процесс. Стихийному движению прививаются не свойственные ему формы сознания и организованности. Тем самым стихийное массовое движение «обучается» умению практически использовать социальные закономерности, усвоением таких идей и форм организации, которые не им открыты, а в качестве теоретических находятся вне его творческих возможностей. Но это в будущем.

При феодализме же организованности и сознательности стихийного типа не сопутствуют организованность и сознательность нестихийного типа. Поэтому отсутствует сама возможность внесения в движение не-

---

казачьи круги» (Народные восстания в Восточной Сибири во второй половине XVII в.— Исторические записки, т. 59. М., 1957, с. 309). Аналогичное наблюдение сделано Е. В. Чистяковой: «... в момент восстаний иногда возрождалось мирское управление, а среди служилых людей (особенно на юге) стихийно возникала форма управления по образцу казачьего донского круга (порядки, имевшие место у донского казачества, идеализировались). Там, где инициативу захватывали дети боярские (например, в Томске), восставшие копировали феодальное устройство общества — с воеводой, дьяками и т. д.» (Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975, с. 242—243).

В ином аспекте, в аспекте выяснения методов перенесения организационных норм из одного слоя в другой, представляется интересным допущение, сделанное П. Г. Рындзюнским и М. А. Рахматуллиным, что «„показачение" крестьян пугачевскими казаками могло происходить также помимо воли и желания крестьян».— («История СССР», 1972, № 2, с. 86).

[16] Разницу между вождем стихийного склада и политическим вождем применительно к рабочему и социал-демократическому движениям В. И. Ленин проиллюстрировал сравнением вождя английского тред-юниона котельщиков Роберта Найта и Вильгельма Либкнехта (Ленин В. И. ПСС, т. 6, с. 80—81).

[17] Ленин В. И. ПСС, т. 6, с. 5.

стихийных форм извне. Практически «междвиженческие» и «внутридвиженческие» отношения — это отношения «стихийностей» социальных слоев, участвующих в нем. Крестьянская организация, как и любая организация любого другого народного движения, подобно крестьянской утопии, «строится из подсобного материала, который ей поставляет феодальное общество» [18].

Если все же допустить, что организация крестьянского движения родственна организации революционеров, то, спору нет, даже у пугачевцев ее уровень бесконечно далек от уровня, до которого смогли подняться революционеры, и поэтому ее не приходится квалифицировать иначе, чем элементы организованности. Однако этим мы одновременно допускаем возможность появления такой социальной несообразности, как «нестихийная традиционная структура», допускаем, что данный стихийный процесс обладает, кроме способности к самоорганизации, свойством превращать стихийную организованность в нестихийную, т. е. теоретически заданную. Или, если нестихийная организация в стихийных движениях не мыслится итогом внутренних процессов, все же предполагается наличие нестихийных организаций вне движения. В поисках подобных организаций исследователь неизбежно натолкнется на мысль о тайных обществах, характерных для многих стран средневековья [19].

Можно усмотреть несомненное сходство еретических сект, тайных обществ, старообрядческих согласий феодального времени с позднейшими нестихийными организациями в том, что и те, и другие, не будучи привязаны к какому-либо определенному движению, составляли постоянно действующий фактор социального протеста: возникая не по поводу конкретного восстания, они функционировали вне прямой зависимости от того, в какой фазе социального протеста находилось общество. Между тем повстанческие органы «руководства» крестьянским массовым движением формируются лишь в ходе восстания (а если предваряют его, то незначительно). Подобная организация представляет собой организацию единичного движения, возникающую и умирающую вместе с движением, в котором и для которого она создалась.

Однако такая параллель по одному признаку не может служить основанием к отождествлению еретических обществ и обществ революционеров как организаций, имеющих общую природу. При феодализме общества текущего, «неповстанческого» профиля формируются стихийными процессами, протекающими эволюционно и вырабатывающими разного рода традиционные институты. «„Кумулятивная" особенность традиций, их способность наращиваться, сгущаться, становиться все более действенными во многом определяет их устойчивость» [20] и, добавлю, их рутинность. Н. Н. Покровский, исследуя старообрядческие согласия, определил эту рутинность как догматическое и организационное окостенивание [21].

---

[18] Литвак Б. Г., Овчинников Р. В. Крестьянская война 1773—1775 гг. К 200-летию восстания под предводительством Е. И. Пугачева.— «Вестник АН СССР», 1973, № 9, с. 118.

[19] Хотя в истории России известны организации еретического толка, она, совершенно очевидно, не принадлежит к странам, в которых участие тайных обществ и еретических сект в народных движениях составляло специфику социального протеста. По массовости, по влиятельности, по активности, по характеру участия (скорее, личностному) в организации народных восстаний сектантские общества России не могут сравниться с такими странами, как Китай, с его сетью тайных союзов, еретических сект, бывших носителями бунтарских традиций и организационными центрами народных восстаний. См.: Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966; Тайные общества в старом Китае. М., 1976; Поршнева Е. Б. Учение «Белого лотоса» — идеология народного восстания 1796—1801 годов. М., 1972; Покровский Н. Н. Антифеодальный протест крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

[20] Салтыков Г. Ф. Традиция, механизм ее действия и некоторые ее особенности в Китае. В кн.: Роль традиций в истории и культуре Китая. М., 1972, с. 5.

[21] Покровский Н. Н. Указ. соч., с. 7.

Стихия же восстания, спрессованная временем восстания и лишенная тем самым сколько-нибудь значительной временной протяженности, действует динамически и дает иной результат: подвижную модификацию традиционного стереотипа. Различия между этими двумя видами стихийных организаций ограничены различиями в стихийных процессах, которые, одновременно их объединяя, противопоставляют организациям революционеров, имеющим нестихийный генезис.

Пока возможность возникновения феодальных нестихийных организаций социального протеста никак не обоснована исследователями, положение в исторической литературе таково, что во всех тех случаях, когда проявления организованности народных движений автоматически противопоставляются стихийности как ее антипод, организованность представляется чем-то случайным для движения, а не просто инородным. Надо заметить, что эта случайность имеет значительный «тираж».

Так или иначе, мы опять возвращаемся к тому, что точкой отсчета при определении уровня организованности следовало бы признать исторический тип и его модификации. Если выяснению уровня организованности движения предпослать вопрос о его типе, то организация в крестьянских войнах XVII — XVIII вв., да и в других крестьянских выступлениях любого докапиталистического периода будет уже оцениваться по нормам стихийных организаций феодального времени. Тогда в мнении о ее зачаточности обнаружатся спорные моменты, вытекающие из несоотнесенности уровня с типом, а мысль, что некоторые крестьянские войны по уровню организованности приближались к своему типовому максимуму, не будет неожиданной. Не безальтернативным окажется представление о низкой ступени организованности отдельных крестьянских выступлений XIX в. Изучение логики крестьянской борьбы привело Г. А. Кавтарадзе, в частности, к выводу, что «самоуправление — своеобразное свидетельство его (волнения.— *З. Я.*) силы, вершина того, до чего могла подняться самодеятельность крестьянского „общества" в дореформенное время»[22]. Вместе с тем можно, конечно, припомнить множество выступлений рыхлых в организационном отношении — не только крестьянских, но и рабочих.

* * *

Общая характеристика стихийности в организациях, которые могут быть типологизированы как стихийные, заключена в спонтанности, самопроизвольности процессов построения, функционирования механизма регуляции. Что это значит применительно к органам «руководства» крестьянской борьбой? Попробуем резюмировать.

Особенностью крестьянских повстанческих организаций, надо полагать, является то, что, будучи организациями вторичной генерации, они структурно производны от уже имеющихся классовых и сословных институтов (государство, община, круг), сформированных принципиально непрограммируемой социально-экономической эволюцией. Через участников движения структура этих первичных институтов переносится в восстание. Тем самым движению задаются естественные для «среды обитания» повстанцев нормы общественного поведения, привычные, а потому понятные стандарты совместных действий и социальных реакций. Рутинность структур придает изначальную организационную готовность к борьбе, сжимая амплитуду предварительных поисков способов координации действий до предела. Поскольку повстанцы несут «структурные рефлексы» в своем сознании, заимствование всех безличных, неодушев-

[22] Кавтарадзе Г. А. Логика крестьянской борьбы (по материалам великорусских губерний первой половины XIX в.).— Проблемы аграрной истории. Ч. 2. Минск, 1978, с. 57.

ленных элементов организации, возникших вне движения, в случае необходимости происходит и во время восстания. Я имею в виду реставрационные тенденции стихии, за счет которых ликвидировались разрушения, наносившиеся повстанческим организационным центрам военными поражениями или просто в ходе борьбы. Сюда же относится создание органов власти и восстания на местах, вне зависимости от деятельности основных повстанческих центров, навстречу им. Поэтому рутинность структуры, воплощая социокультурные шаблоны поведения, выступает фактором действенности сопротивления.

Человеческий, одушевленный элемент повстанческой организации не имеет сословных прототипов. Вожди движения становятся таковыми не по праву наследования или какой-либо другой преемственности должностей. Появление предводителя, тем паче признание массами его лидерства, не более предсказуемо, чем вспышка восстания.

Людям свойственна иррациональность поведения [23]. Это прямой источник стихийности, сама стихийность. Однако им же присуща рациональность в поступках, постановка целей, планирование действий. Вторгается ли стихийность в сферу рационального? Рациональность вождей принципиально однородна рациональности рядовых повстанцев (сословное знание) и, если отличается от нее, то лишь социальной нестабильностью личного опыта, т. е. более широким и раскрепощенным представлением об обществе. Но при всех преимуществах более свободного взгляда на вещи вожди, даже самые одаренные, не имели объективной возможности предвидеть сколько-нибудь далекие последствия своих решений, прежде всего по той универсальной для эмпирической мысли причине, что объект в ней отражен лишь со стороны доступных непосредственной фиксации отношений. Получается, что действия, целенаправленные в индивидуальном плане, даже будучи воплощены в жизнь, стихийны для движения. Складываясь из индивидуальных воль, решений, поступков, функционирование повстанческой организации оказывается самосовершающимся, не подчиняющимся программному рациональному началу, испытывая, таким образом, на себе закономерности неожиданных, непредвиденных последствий преднамеренных действий [24].

В той мере, в какой особенности мышления, представлений повстанцев отчуждаются в структуре организаций, человеческий элемент может быть рассматриваем как психологический ее фактор. По поводу общественного сознания крестьянства много писалось, спорилось. Не видя возможности и необходимости ступить на раскаленную почву этой дискуссии [25], хочу еще раз обратить внимание на крайне интересный (и неспорный) для прояснения проблем стихийности процесс реализации монархических представлений в самозванчестве — процесс материализации стихийных форм сознания в стихийной организации, поскольку это указывает на степень насыщенности психологического элемента организованности стихийностью.

Повстанческая организация относится к движению в целом как стихийное к стихийному, представляя лишь более высокий порядок стихий-

[23] «Но у историков психология занимается лишь ясным сознанием. Читая иные книги по истории, можно подумать, что человечество сплошь состояло из логически действующих людей, для которых в причинах их поступков не было ни малейшей тайны... Мы сильно исказили бы проблему причин в истории, если бы всегда и везде сводили ее к проблеме осознанных мотивов» (Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973, с. 104).

[24] «Столкновения бесчисленных отдельных стремлений и отдельных действий приводят в области истории к состоянию, совершенно аналогичному тому, которое господствует в лишенной сознания природе. Действия имеют известную желаемую цель; но результаты, на деле вытекающие из этих действий, вовсе нежелательны» (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 306).

[25] Это не просто потянуло бы за собой целый пласт дискуссионных вопросов (например, о политической сознательности), но потребовало бы выяснения их отношения к организационной практике восставших.

ных процессов, чем первостихия широкой массы участников. Она является одной из ипостасей динамической стихии.

Ничто стихийное не чуждо организации восставших крестьян, но не наоборот, поскольку организация — это специализированный орган, возникший вследствие развития лишь одного из многих качеств стихии, ее интегративного качества. Невозможность для повстанческих организаций, «управляемых по собственным вымыслам», методом проб и ошибок, за время восстания выровняться по эталонам нестихийных организаций социального протеста, может создать впечатление об организационной инфантильности даже наиболее «самоинтегрированных» из них.

Организация крестьянского движения не только исторически предшествует, но и логически противостоит тем организациям социальных движений, которые начали возникать на исходе феодализма и в построении которых стихийность уже не была структурополагающим началом. Имеются в виду интеллектуально, идеологически основанные движения, такие, как декабристское, народническое, социал-демократическое. С ними в России появились нестихийные типы организаций социальных движений. Организация революционеров подобного типа строится на базе теоретически систематизированного знания, поэтому сама ее структура заложена в концепции, в теоретической установке. По той же причине предшественницей реальной организации революционеров является ее теоретическая модель, идеальный прототип, а не сословная эмпирия, стихийную модификацию которой представляет организация массового движения.

Полагаю, что «парадокс отрицательной стихийности массовых крестьянских движений» есть исключительно парадокс мышления, но не объективной действительности, возникший вследствие того, что негативные черты стихии, как наиболее очевидные, наложили табу на восприятие позитивных ее качеств, навязывая сознанию мысль о невозможности консолидационных стихийных процессов в социальных движениях. Тем исследователям, которые убеждены, что это не так, что повстанческая организация стихийного массового движения может возникнуть вне феномена стихийности, предстоит установить и доказать концептуальную природу подобной организации.

